

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Вел)-44
Ф59

Alice Feeney
DAISY DARKER

Серия «Объявлено убийство»

Печатается с разрешения Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency

Перевод с английского *Яновской Анастасии*

Фини, Элис.

Ф59 Темная Дейзи: [роман] / Элис Фини; — [перевод с английского А. Яновская]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 384 с. — (Объявлено убийство).

ISBN 978-5-17-149840-5

Семья, которая много лет избегала друг друга. Бабушка, собравшая их в одном месте, ради своего юбилея. Дом на острове, во время прилива отрезанный от остальной земли на долгие восемь часов.

Что может пойти не так?

Ровно в полночь одного из членов семьи убивают. Через час — еще одного. До конца прилива остается совсем немного. Всего несколько часов для того, чтобы понять, что за тайны скрывает каждый, и какая из них сейчас важнее всего.

Незабываемые повороты сюжета в лучших традициях Агаты Кристи, в новом романе Элис Фини.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-149840-5

© Diggi Books, Ltd., 2021
© Яновская А., перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2023

*Посвящается Дигги.
Ты исцелил мое сломанное сердце
и не раз спасал мне жизнь.
Я всегда буду тебя любить
и никогда не перестану скучать.*

ПРИМЕЧАНИЕ АГЕНТА АВТОРА:

Я получил этот роман как раз после Рождества в прошлом году. Он был обернут коричневой бумагой, перевязанной веревкой, и его лично доставили в мой офис в центре Лондона. Я не знаю, кто. Не было сопроводительного письма или хотя бы записки. Внутри посылки я нашел рукопись. Нынче большинство авторов присылают свои работы по электронной почте, и я не принимаю материалы без предварительного согласования, но от имени на титульной странице у меня перехватило дыхание. Потому что автор этого романа умер некоторое время назад. Я никогда не верил в призраков, но также и не могу предложить рационального объяснения. Я достаточно хорошо знал автора, чтобы понять, что эту книгу не мог написать никто другой. После долгих раздумий я решил, что эта история заслуживает огласки. Издатели этого романа изменили имена некоторых персонажей по юридическим причинам, но не меняли ни слова из истории. Если это история. Признаюсь, у меня есть опасения, что по крайней мере часть того, что вы сейчас прочтете, может быть правдой.

ОДИН

Я родилась со сломанным сердцем.

День, когда я появилась в этом одиноком маленьком мире, стал также датой моей первой смерти. Тогда еще никто не заметил сердечную патологию. В 1975-м все было не таким продвинутым как сейчас, и синюшный оттенок моей кожи списали на травматические роды. Я родилась ногами вперед, что еще больше все усложнило. Усталый доктор сказал моему отцу выбирать между мной и моей матерью, объяснив извиняющимся тоном и лишь с намеком на нетерпение, что он мог спасти только одну из нас. Мой отец, после мимолетного колебания, за которое впоследствии расплачивался всю жизнь, выбрал свою жену. Но акушерка убедила меня дышать — вопреки всем их прогнозам и моему благоразумию — и незнакомцы в больничной палате заулыбались, когда я заплакала. Все, кроме моей матери. Она даже не смотрела на меня.

Моя мать хотела сына. Когда я родилась, у нее уже было две дочери, и она дала нам имена цветов. Мою старшую сестру зовут Роуз, что оказалось до стран-

ности уместным, потому что она красивая, но не без шипов. Следующей, на четыре года раньше меня, появилась Лили. Средняя дочь в нашей цветочной семье бледная, симпатичная, и для некоторых ядовитая. Моя мать какое-то время вообще отказывалась давать мне имя, но когда время пришло, меня называли Дейзи*. У нее всегда есть только план А, поэтому она не дала нам запасного варианта в виде вторых имен. Но даже из цветочных имен можно было выбрать любое другое, но она решила назвать меня как цветок, который часто срывают, затаптывают или вплетают в венки. Ребенок всегда знает, если он у матери самый нелюбимый.

Забавно, как люди вырастают в соответствии со своим именем. Будто несколько букв, собранных в определенном порядке, могут предвидеть счастливую или горькую судьбу человека. Знать имя человека и знать его самого — это не одно и то же, но имена — это первое впечатление, по которому мы судим и судимы. Жизнь дала мне имя Дейзи Даркер и я полагаю, я ему соответствую.

Во второй раз я умерла ровно через пять лет после рождения. Мое сердце полностью остановилось на мой пятый день рождения, может, в знак протеста, когда я слишком много от него потребовала, пытаюсь доплыть до Америки. Я хотела убежать, но плавать умела лучше, поэтому надеялась добраться до Нью-Йорка к обеду, чуток поплавав на спине. Я даже не выбралась из залива Блексэнд и — технически — умерла, пытаясь это сделать. На этом моя жизнь могла бы закончиться, если бы не наполовину сдувшиеся

* В оригинале: rose — роза, lily — лилия, daisy — маргаритка.

оранжевые нарукавники, удержавшие меня на плаву, и не моя десятилетняя сестра, Роуз. Она приплыла за мной, дотащила до берега, и вернула к жизни с энтузиазмом выполненным непрямым массажем сердца, сломав мне два ребра. Незадолго до этого она получила свой значок Первой помощи в герлскаутах. Иногда мне кажется, что она об этом пожалела. Я имею в виду, что спасла меня. Значок она обожала.

Моя жизнь не была прежней после второй смерти, потому что тогда все убедились в том, что уже и так подозревали: я сломанная.

Многочисленные доктора, по которым меня таскала мать, когда мне было пять, говорили одинаковые фразы, с одинаковым выражением лица, словно они репетировали по одному и тому же грустному сценарию. Они все пришли к выводу, что я не доживу до своего пятнадцатилетия. Годы исследований это доказывали. Моя патология была редкой, и докторам я казалась захватывающей. Некоторые приезжали из других стран просто чтобы понаблюдать за открытыми операциями на моем сердце; от этого я чувствовала себя одновременно и суперзвездой, и уродцем. Жизнь не сломала мое сердце, хоть и пыталась. Необычная бомба замедленного действия у меня в груди была запущена еще до моего рождения — редкая патологическая ошибка.

Для того, чтобы я прожила дольше отведенного мне времени, потребовался ежедневный коктейль из бета-блокаторов, ингибиторов серотонина, синтетических стероидов и гормонов, поддерживающий меня и биение моего сердца. Если это звучит как что-то, требующее кучу сил и времени, это потому, что так

и было, особенно когда мне было всего лишь пять. Но дети лучше взрослых привыкают к переменам. Они намного лучше способны получать максимум из того, что им дано, и меньше времени тратят на беспокойство о вещах, которых у них нет. Технически, я умерла восемь раз прежде, чем мне исполнилось тринадцать, и, если бы я была котом, я бы занервничала. Но я была маленькой девочкой, и у меня хватало забот поважнее смерти.

Спустя двадцать девять лет после моего сложного появления на свет, я очень благодарна, что прожила дольше, чем кто-либо предполагал. Я думаю, когда человек знает, что рано умрет, он живет по-другому. Смерть это переворачивающий жизнь дедлайн, и я в вечном долгу перед всеми, кто помог мне задержаться. Я стараюсь отплатить за это, насколько могу. Я пытаюсь с добротой относиться как к другим, так и к себе, и редко нервничаю по мелочам. Пусть у меня не так много материальной собственности, но это никогда не имело для меня значения. И все же я считаю себе довольно везучей. Я все еще здесь, у меня есть племянница, с которой я обожаю проводить время, и я горжусь моей работой — волонтерством в доме престарелых. Как говорит моя любимая пациентка, каждый раз при виде меня: секрет к обладанию всем кроется в том, чтобы знать, что у тебя уже есть.

Иногда люди думают, что я моложе своих лет. Меня не раз обвиняли, что я все еще одеваюсь как ребенок — моя мать никогда не одобряла мой выбор одежды — но мне нравится носить джинсовые платья-комбинезоны и ретро футболки. Я предпочитаю заплетать волосы в затейливые косы, а не обрезать их,

и я понятия не имею, как делать макияж. Я считаю, что выгляжу хорошо, учитывая все плохое, случившееся со мной. Единственное визуальное доказательство патологии поблекшим розовым шрамом вырезано в середине моей грудной клетки. Раньше люди пялились, если я надевала что-либо, открывающее его: купальники, свитера с треугольным вырезом или сарафаны. Я никогда их не винила. Я тоже иногда на него глазею; механика моего продленного существования восхищает меня. Эта розовая линия — единственное внешнее свидетельство, что я родилась немного сломанной. Каждые несколько лет за мое слегка дисфункциональное детство, доктора по очереди снова меня открывали, заглядывали внутрь, что-нибудь чинили. Я словно старая машина, которая, вероятно, не должна больше ездить, но за которой очень хорошо следили. Хотя не всегда и не все.

Семьи похожи на отпечатки пальцев; нет двух одинаковых, и они обычно оставляют след. В полотне моей семьи всегда было многовато торчащих ниток. Оно было немного истрепанным по краям задолго до моего появления, и, если внимательно взглядеться, можно даже заметить несколько дыр. Некоторые люди не способны видеть красоту в неидеальном, но я всегда любила свою бабушку, родителей и сестер. Как бы они ни относились ко мне, и несмотря на случившееся.

Моя бабушка — единственный человек в семье, любивший меня безусловно. Настолько, что она написала обо мне книгу, или, по крайней мере, о маленькой девочке с таким же именем. Если мое имя кажется вам знакомым, причина как раз в этом. «Маленький секрет Дейзи Даркер» это бестселлер среди детских

книг, написанный и иллюстрированный моей бабушкой. Книгу можно найти почти в каждом книжном магазине мира, зачастую гнездящейся между «Груффало» и «Очень голодной гусеницей». Бабушка говорила, что решила одолжить мое имя для книги, чтобы я — так или иначе — могла жить вечно. Это был добрый поступок, даже если мои родители и сестры в то время так не считали. Я подозреваю, они тоже хотели жить вечно, но вместо этого удовольствовались жизнью на прибыль от книги.

После написания книги у бабушки появилось столько денег, что она не знала, куда их тратить. Хотя вы бы не поняли этого, глядя на нее. Она всегда была щедрой женщиной, когда дело касалось благотворительности и незнакомцев, но не в отношении себя или своей семьи. Она считает, что владение слишком многим заставляет людей хотеть слишком мало, и она всегда колебалась, когда у нее просили подачки. Но это может скоро измениться. Много лет назад, задолго до моего рождения, хиромант на ярмарке в Лендс-Энд сказала моей бабушке, что она проживет восемьдесят лет. Она никогда этого не забывала. Даже ее агент знает, что не нужно уже ожидать от нее книг. Так вот, завтра не просто Хэллоуин, это бабулин восьмидесятый день рождения. *Она* думает, что он последний, а *они* считают, что наконец-то заграбастают ее деньги. Мои родственники больше десяти лет не собирались в одно время и в одном месте. Даже на свадьбе моей сестры были не все, но когда бабушка пригласила их в последний раз посетить Сигласс, все согласились приехать.

Ее дом на корнуэльском побережье был местом моих самых счастливых детских воспоминаний. И самых грустных. Там мы с сестрами проводили каждое Рождество и Пасху, а после развода родителей еще и летние каникулы. В моей семье сердце повреждено не только у меня. Я не знаю, принимают ли мои родители, или сестры, или ее агент предсказание хироманта о ее надвигающейся смерти всерьез, но я принимаю. Потому что иногда самые странные вещи могут предсказать будущее человека. Возьмите, к примеру, меня и мое имя. Детская книжка под названием «Маленький секрет Дейзи Даркер» навсегда изменила мою семью и была своего рода предзнаменованием. Потому что у меня правда есть секрет, и я думаю, настало время им поделиться.

ДВА

30-Е ОКТЯБРЯ 2004 — 16:00

У меня перехватило дыхание при виде Сигласса.

Обычно дорога от Лондона до Корнуолла на машине занимает пять часов, немного меньше — на поезде. Но мне всегда нравилось менять шум и гам города на хитросплетение искаженных воспоминаний и проселочных дорог. Мне по душе более простая, медленная, тихая жизнь, а Лондон по природе своей громкий. Добираться сюда для меня всегда было сродни путешествию во времени, но сегодня дорога заняла меньше времени, чем ожидалось, и была относительно безболезненной. Что хорошо, потому как я хотела прибыть первой. Первее остальных.

Я с удовольствием замечаю, что с моего прошлого визита ничего особо не изменилось. Каменный викторианский дом с готическими башенками и крышей, выложенной бирюзовой черепицей, словно был построен из тех же глыб камня, на которых он стоит. Кушочки сине-зеленого стекла все еще украшают некоторые внешние стены, поблескивая на солнце и давая

Сиглассу его имя*. Мини-поместье высится среди бушующих волн, расположившись на собственном крохотном частном островке вблизи корнуэльского побережья. Как и многие вещи в жизни, его сложно найти, если не знаешь, где смотреть. Спрятанный осыпающимися скалами, неотмеченными тропами, в маленьком гроте, известном в округе как бухта Блексэнд, он располагается очень далеко от протоптанных дорог. Это не Корнуолл, который вы видите на фотографиях. Но кроме проблем с перемещением, есть и другие причины, почему люди обычно держатся подальше.

Моя бабушка унаследовала Сигласс от своей матери — которая якобы выиграла его у пьяного герцога в карты. По истории он был печально известным кутилой, в девятнадцатом веке построившим эксцентричное здание, чтобы принимать там своих богатых друзей. Но он не умел пить, и, проиграв свой «летний дворец» *женщине*, он утопил свои горести и себя самого в океане. Вне зависимости от его трагического прошлого, это место является такой же частью нашей семьи, как я. Бабушка жила здесь с рождения. Но, хоть она никогда не хотела жить в другом месте и сколотила небольшое состояние на детских книгах, она никогда особо не вкладывалась в усовершенствование дома. В результате, Сигласс медленно разрушается и, как и я, скорее всего, не просуществует очень долго.

Крохотный остров, на котором он был построен двести лет назад, медленно поддался эрозии. Влияние всей силы Атлантического океана и нескольких

* В ориг. Seaglass — морское стекло: физически и химически выветрившиеся куски стекла, которые можно обнаружить у соленых водоемов.

столетий ветров и дождей наложило свой отпечаток. Дом разбух от секретов и влаги. Но несмотря на его облупившуюся краску, скрипящие половицы и древнюю мебель, Сигласс всегда был для меня больше домом, чем какое-либо другое место. Только я до сих пор навещаюсь сюда регулярно. Разведенные родители, занятые сестры, с которыми у нас настолько мало общего, что сложно поверить в наше родство, сделали семейные собрания довольно редким событием. Поэтому эти выходные будут особенными по многим причинам. Жалость меркнет с возрастом, ненависть стихает, но чувство вины может тянуться всю жизнь.

Путь сюда казался таким одиноким и бесповоротным. Дорога ведет к спрятанной тропе, которая вскоре резко обрывается. Отсюда до бухты Блексэнд можно добраться только двумя путями: рухнуть на верную смерть с высоты трехсот футов или пробраться по крутой, каменистой дорожке на песчаные дюны вниз. Тропа местами разрушилась почти полностью, поэтому лучше смотреть под ноги. Несмотря на все годы моих посещений, бухта Блексэнд кажется мне самым красивым местом в мире.

Уже далеко за полдень, и солнце висит низко в туманном голубом небе, а шум моря звучит как старый знакомый саундтрек, по которому я скучала. На мили вокруг нет ничего и никого, я вижу лишь песок, океан, небо. И Сигласс, устроившийся на своем древнем каменном фундаменте вдаль, о который разбиваются волны.

Добравшись до подножия скалы, я снимаю туфли и наслаждаюсь ощущением песка между пальцами ног. Это будто возвращение домой. Я игнорирую старую ржавую тележку, оставленную здесь, чтобы

помочь нам добраться с вещами до дома; в последнее время я путешествую налегке. На самом деле людям требуется куда меньше вещей, чем они привыкли. Я начинаю длинный путь по перешейку, соединяющему приливный островок Сигласса с материком. До дома можно добраться только во время отлива, а в другое время он полностью отрезан от внешнего мира. Бабушка всегда предпочитала книги людям, и остров дарил ей возможность оставаться с ними наедине.

Невидимые обломки от кораблекрушения моей жизни разбросаны по этой изолированной бухте с ее пресловутым черным песком. Они — печальное напоминание обо всех путях, которые я боялась преодолеть. У каждого в жизни есть неизведанные воды — места, которые ты уже никогда не посетишь и люди, которых никогда не встретишь. Это вызывает ощущение потери, особый вид горя и тоски по несбывшемуся. Незученные океаны наших сердец и умов обычно появляются из-за нехватки времени и веры в детские мечты. Взрослые часто забывают о том, как правильно мечтать.

Я хочу остановиться и вобрать запах океана, насладиться ощущением теплого солнца на лице и западного ветра в волосах, но время — это роскошь, которую я больше не могу себе позволить. У меня изначально его было не так много. Поэтому я тороплюсь дальше, несмотря на влажный песок, прилипающий к ступням, словно в попытке остановить меня, и на чаек, парящих и кричащих над головой, будто желая отогнать меня. Звук их воплей переводится у меня в голове в слова, которые я не хочу слышать:

Поверни назад. Поверни назад. Поверни назад.

Я не обращаю внимания на все знаки, указывающие, что этот визит был плохой идеей, и немного ускоряю шаг. Я хочу прибыть раньше остальных, чтобы увидеть место таким, каким оно существует в моих воспоминаниях, до того, как они все испортят. Я задумываюсь, предвкушают ли другие люди встречи с родными, но в то же время боятся их, как и я? Все будет нормально, когда я туда доберусь. Так я себе говорю, и сама же себе не верю.

Колокольчики, висящие на ветхом крыльце, пытаются поприветствовать меня меланхоличной мелодией. Я сделала их для своей бабушки в одно Рождество, будучи ребенком — собрав все гладкие, круглые кусочки синего и зеленого стекла, которые смогла найти на пляже. Она притворилась, что ей понравился подарок, и колокольчики из морского стекла висели здесь с тех пор. Ложь из-за любви имеет самый светлый оттенок белого. У порога лежит гигантская тыква с искусно вырезанным лицом в преддверии Хэллоуина; бабушке всегда нравится украшать дом в это время года. Прежде, чем я добираюсь до большой, выдавшей виды деревянной двери, она распахивается, открывая привычную компанию встречающих.

Поппинс, пожилой бобтейл, самый преданный компаньон моей бабушки и лучший друг. Собака несется ко мне огромным подпрыгивающим шаром серо-белой шерсти, тяжело дыша, но улыбаясь, и виляя хвостом так, словно от этого зависит ее жизнь. Я здороваюсь с ней и восхищаюсь двумя маленькими косичками с розовыми бантиками, убирающим шерсть от карих собачьих глаз. В дверном проеме стоит бабушка; ровно пять футов роста и широкая улыбка. Ореол необуздан-